

6. Лисенко, В. О. Особливості електронних видань / В. О. Лисенко // Друкарство. – Київ, 2004. – № 4 (57). – С. 41–43.
7. Сайт вчителів української мови та літератури [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ukrmetod.at.ua>.
8. Слово-диво [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://slovo-divo.ucoz.ua>.
9. Українська мова та література на допомогу вчителю [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ridnamova.ck.ua>.
10. Хміль, Н. А. Українські електронні періодичні видання у галузі педагогіки/ Н. А. Хміль // Інформаційні технології в наукових дослідженнях і навчальному процесі: матер. II міжнар. наук.-практ. конф., м. Луганськ, 14–16 листоп. 2006 р. – Луганськ, 2006. – Т. 2. – С. 171–174.
11. Ярошенко, Т. О. Наукові комунікації XXI століття: електронні ресурси для науки та освіти України / Т. О. Ярошенко // Бібл. вісн. – К., 2006. – №5. – С. 17–22.

УДК 801.3:882:883.06-1

Н. В. Подмогильная

ПОЭТИЧЕСКОЕ РЕЧЕТВОРЧЕСТВО КАК ФАКТОР КОММУНИКАЦИИ

Досліджуються комунікативні можливості ад'єктивного атрибута у поетичному мовленні як чинника, що стимулює мовотворчі процеси.

Ключові слова: ад'єктив, атрибутивна конструкція, поетична мовотворчість, комунікація, О. С. Пушкін.

Исследуются коммуникативные возможности адъективного атрибута в поэтической речи как фактора, стимулирующего речетворческие процессы.

Ключевые слова: адъектив, атрибутивная конструкция, поэтическое речетворчество, коммуникация, А. С. Пушкин.

The communicative capacities of adjective attributions in the poetic narration are under study as a factor of encouraging language processes in the thesis.

Key words: adjective, attributive construction, poetic narration, communication, Pushkin.

Цель предлагаемого исследования заключается в том, чтобы проследить не только сугубо лингвистические и экстралингвистические, но и коммуникативные возможности адъективного атрибута в поэтической речи как фактора, стимулирующего речетворческие процессы.

Актуальность работы объясняется необходимостью пристального изучения речетворческих процессов, которые чрезвычайно активизировались в современном языке, в частности благодаря широчайшему распространению электронных изданий.

Атрибутивная конструкция практически всегда является главной поэтической фигурой, в которой формируются основные образы поэтического произведения, и формируются эти образы зачастую благодаря удачно найденному детерминанту к тому или иному слову, детерминанту, либо констатирующему какой-то признак предмета, либо приписывающему этому предмету ту или иную качественную характеристику и создающему уже нечто новое, существующее и функционирующее конструкционно, в предметно-признаковом комплексе. Сформированный таким образом комплекс, особенно включающий оригинальный адъектив, активно и существенно влияет на процесс поэтического речетворчества.

Термин «речетворчество», введенный в научный оборот Л. В. Щербой в 1940 г., в настоящее время широко не употребляется, хотя представляется весь-

ма точным для обозначения некоторых процессов, связанных с влиянием художественной речи на формирование национального литературного языка. Этим термином обозначаются не столько традиционные процессы словотворчества, сколько новое качество предметов и явлений действительности, формирующееся в результате соединения в одном словосочетании наименования некоторого предмета или явления и его признака. Недостаточными, по нашему мнению, оказываются употребляемые М. А. Бакиной термины «словоновшество» и «словопроизводство», поскольку основной аналитический интерес сосредоточен, скорее, на линии взаимодействия двух членов атрибутивного словосочетания, чем на одном из них. Предложенный Г. В. Колшанским термин «языкотворчество» подразумевает «субъективное использование языковых форм», т.е. слабо корреспондирует с нашими исследовательскими задачами.

Литературный язык – довольно широкое понятие, охватывающее самые разные стороны развития и функционирования национального языка – от обслуживания культовых ритуалов до научно-технического творчества. Как отмечал акад. В. В. Виноградов, литературный язык – «всегда результат коллективной творческой деятельности», «общий язык письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов – язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменного бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и в устной» [5, с. 288]. Соответственно и на развитие литературного языка прямо или косвенно оказывают влияние различные факторы, связанные с социальным прогрессом: это и наука, и культура, и инженерно-техническая деятельность, и средства массовой информации, и многое другое. Но решающую роль в истории национального литературного языка играет творчество выдающихся национальных писателей, таких, например, как А. С. Пушкин, чью роль в становлении русского литературного языка трудно переоценить.

Становление литературного языка – очень сложный и длительный процесс, определяемый целым рядом социально-исторических, культурных, политических и экономических условий жизни конкретного народа и конкретного государства. Используя формулу Ю. Д. Дешериева «социальное давление на язык», можно говорить об историческом, политическом и других видах такого давления или воздействия на процесс формирования и развития литературного языка нации. И если национальный язык того или иного народа определяет его этнические особенности, то литературный язык характеризует культурный и интеллектуальный потенциал, место этого народа в мировом сообществе, роль в историческом продвижении человечества. Становлению и развитию литературного языка активно способствует творчество художника слова – выдающегося национального поэта или писателя. Именно творчество такой личности объективно определяет рубежи нового качества языка, когда сформировавшиеся в обществе коммуникативные потребности сначала воплощаются в языковой ткани литературно-художественных произведений, а затем реализуются в общей системе общения. Так было и с современным русским литературным языком, основные структурно-семантические параметры которого стабилизированы А. С. Пушкиным, и с украинским, закрепившимся в качестве литературного языка нации благодаря творчеству И. П. Котляревского и Т. Г. Шевченко, и с современным белорусским языком, становление и развитие которого неотделимо от творческих исканий Я. Купалы и Я. Коласа. Закономерно и то, что формирование национальных литературных языков осуществляется главным образом через поэтическую речь, социализованную уже в силу ее экспрессивности.

Национально-языковая традиция и новаторство – две важнейшие составляющие фундамента, на котором строится как литературно-художественное творчество, так и современные процессы коммуникации. Литературно-художественное

творчество и коммуникация активно стимулируют лингвистические поиски, и главное здесь заключается, пожалуй, в том, что к этим процессам сохранения и обновления языковой традиции причастными оказываются не только писатели как создатели какого-то речевого материала, но и читатели (а их гораздо больше) как адресаты и потребители этого материала.

Совершенно не обязательно, чтобы общий строй поэтического произведения отличался обилием так называемой поэтической лексики, поскольку, по справедливому замечанию Е. В. Невзглядовой, любое словесное высказывание, обладающее эстетической ценностью, содержит смысл, определяющий и обуславливающий эту ценность. В поэзии смыслом наделены элементы и эмоциональные, и логические. И если при этом писатель ищет, находит и предлагает свои, найденные или генерированные речевые структуры, то читатель – носитель языка, приняв их однажды, вольно или невольно производит отбор этих структур.

Можно привести такой интересный пример усвоения читательским сознанием генерированного поэтом словесного образа. Исследователь эпистолярного наследия Т. Г. Шевченко Ж. Т. Ляхова приводит в своей книге «За рядками листів Тараса Шевченка» отрывок из письма Шевченко к В. Репниной: «Собираются ли по-прежнему в этот день (имеется в виду день 12 января – день именин полтавской помещицы Т. Г. Волховской, где бывал и Шевченко. – *Н. П.*) к ней *нецеремонные* (курсив наш. – *Н. П.*) соседи со чады и домочадцы повеселиться...? Жива ли она, добрая старушка?» [9, с. 36]. (Как известно, письма к своим адресатам из России Шевченко писал по-русски.) В памяти тотчас возникает ассоциация – описание помещичьего быта семейства Лариных во второй главе «Евгения Онегина» Пушкина:

... Под вечер иногда сходилась
Соседей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить...

Разумеется, с полной уверенностью судить о том, что образный ряд шевченковского письма навеян строками Пушкина, нельзя, однако, принимая во внимание свидетельство П. Кулиша, что любимым поэтом Шевченко был Пушкин, а в языке произведений Шевченко слова *церемонный* – *нецеремонный* встречаются только в прозе (повесть «Близнецы»), написанной по-русски, – стоит признать, что высказанная гипотеза небезосновательна. Примечательно, что хронологически соответствующий пушкинской эпохе словарь В. И. Даля не фиксирует слова *нецеремонный*, а только *церемонный* в значении «ломливый, кто церемонится» [7, с. 573]. Можно даже предположить, что в пушкинском тексте впервые встречается подобное определение. Зато в современном толковом словаре русского языка находим слово *нецеремонный* в значении «ведущий себя просто, без церемоний» [15, с. 541] именно со ссылкой на приведенный отрывок из текста Пушкина. Но упомянутый словарь Ушакова включает и слово *церемонный*, хотя уже без явного преобладания оттенка пейоративности: «1. Строго соблюдающий принятый этикет, утонченно вежливый, чопорный. 2. Любящий проявление знаков внимания к себе, чванный, жеманный» [15, с. 1171].

Выбор адъективного атрибута, а соответственно и формируемой с его помощью конструкции в качестве материала исследования обусловлен главным образом тем, что словосочетание «существительное + прилагательное» как отражение предмета мыслей и эмоций человека, с одной стороны, и качественных их характеристик, с другой, является одной из доминирующих семантико-грамматических характеристик в любой сфере общения. В поэзии же адъектив, а значит и атрибут, – самый распространенный, емкий эстетически и содержательно, самый неожиданный с точки зрения любой регламентации компонент речевой цепи [1; 2;

10; 12; 16; 17]. Именно поэтическая речь дает простор наиболее интересным и смелым новациям. К тому же у адъектива более широкие, чем, скажем, у субстантива, который может быть несогласованным определением, и словообразовательные возможности, и функции.

Художественная литература дала немало образцов речевого творчества писателей всех стран и народов, писателей, шлифовавших национальный язык, совершенствовавших его лексику и грамматику, расширявших его стилистические и функциональные возможности. Но при всем разнообразии идеологических и политических черт личности писателя, творца литературного языка, он, как правило и прежде всего, был поэтом, хотя мог работать в разных литературных жанрах. Этот тезис вполне приложим и к творческому наследию А. С. Пушкина, включающему в себя стихотворения и поэмы, произведения эпического и драматического родов, даже роман в стихах, многочисленные статьи публицистического и историко-культурного характера; но в историю мировой культуры Пушкин вошел прежде всего как крупнейший национальный поэт.

Есть несколько причин именно поэтической прерогативы в процессе формирования литературного языка.

Первая причина связана с тем, что поэзия является самым ранним жанром литературного, а следовательно, и речевого творчества (указание на это присутствует и в исследованиях таких авторитетных филологов, как Л. И. Тимофеев, Г. Н. Поспелов, и практически во всех работах современных ученых). Ю. М. Лотман, к примеру, пишет: «Проза – явление более позднее, чем поэзия, возникшее в эпоху хронологически более зрелого эстетического сознания. Именно потому, что проза эстетически вторична по отношению к поэзии и на ее фоне воспринимается, писатель может смело сближать стиль прозаического художественного повествования с разговорной речью, не боясь, что читатель утратит чувство того, что имеет дело не с действительностью, а с ее воссозданием. <...> Проза в современном значении слова возникает в русской литературе с Пушкина. Она соединяет одновременно представление об искусстве высоком и о не-поэзии. За этим стоит эстетика “жизни действительной” с ее убеждением, что источник поэзии – реальность. Таким образом, эстетическое восприятие прозы оказалось возможным лишь на фоне поэтической культуры» [8, с. 38]. И, видимо, прав Б. Гавранек, констатируя, что «в своем развитии именно поэтический язык бывает первичным, а литературный язык вторичным» [6, с. 437]. Естественно поэтому, что ко времени становления других жанров в сфере поэтического творчества был уже накоплен определенный опыт, отработаны многие процедурные аспекты работы с общепонятным языком.

Вторая из основных причин – большая по сравнению с другими жанрами популярность, а отсюда и читаемость поэтических произведений, в особенности на ранних стадиях формирования литературного языка, когда проза еще не набрала достаточного внутреннего потенциала для серьезной конкуренции со стихами.

Третья причина – эмоциональность, а значит, и более эффективное вербальное воздействие поэтической речи на сознание и поведение личности, что обуславливает более легкое и естественное запоминание отдельных речевых фигур и выражений, их частое цитирование, а затем и всеобщее употребление.

Например, самые обычные в поэзии явления – ночное небо, лунный свет – поэты описывают, используя эпитеты, сравнения, метафоры, за счет чего усиливается экспрессивный заряд изображаемого. А если учесть, что в творчестве А. Пушкина слово *луна* сопровождается 27 эпитетами, большая часть которых подчеркивают ее холодный свет: *бледная, мертвая, туманенная, печальная, серебристая*... [11, с. 66–67], то можно допустить, что эпитетация в данном случае способствует формированию у читателя совершенно определенного восприятия картины ночного неба, в центре которого – холодное светило. В большинстве тек-

стов русской поэзии XIX – XX вв. описание луны связано именно с такими или похожими эпитетами – под влиянием авторитетного пушкинского слога сформировалось некое мыслительно-образное клише.

Даже такой редкий пушкинский эпитет, как тихоструйная река, который может быть отнесен к разряду экзотических, неоднократно воспроизводился в русской поэзии более позднего времени. Например, у В. В. Набокова в стихотворении «Река» встречаем:

Это было в России,
 Это было в раю...
 Вот
 Гладкая лодка плывет
 В тихоструйную юность мою... [13].

Указанные причины и определяют исключительную роль именно поэтического речетворчества в системе становления и развития литературного языка. Известнейший филолог А. И. Горшков не случайно говорил об истории литературного языка как об истории литературных текстов. Склонность, даже тяготение к признаковым словам одинаково характерно как для прозаических, так и для поэтических текстов, но процессы, связанные с лексическим экспериментированием, поиском новых средств и способов выражения, гораздо интенсивнее осуществляются именно в поэзии. Говоря словами М. А. Пробста, исследовавшего текст в системе коммуникации, «нет терминов, а есть словотворчество» [14, с. 13]. А общая схема осуществления указанных процессов в поэзии, на наш взгляд, примерно такова.

Выдающийся поэт хорошо владеет национальным языком, он не только умело использует все его богатства, но ищет и находит новое, образное, запоминающееся. Поэтому из-под его пера выходят стихи высокого эстетического качества, ориентированные на самую широкую читательскую аудиторию. Хорошие стихи читаются, запоминаются и часто воспроизводятся (цитируются, декламируются и т. п.). Это закономерно ведет к тому, что многие поэтические обороты и новации, если они приняты реципиентом, входят в речевой обиход, становятся популярными и закрепляются в национальном языке. Затем они канонизируются в качестве речевого или литературно-художественного образца, становятся общепринятой нормой литературного языка и соответственно обогащают его, способствуя его развитию.

У некоторых ученых-пушкинистов, например у Р. А. Будагова, есть интересные соображения относительно роли писателя, в частности А. Пушкина, в процессе формирования и развития литературного языка: поэт был не только выдающимся практиком, но и теоретиком современного русского литературного языка. Он создавал непревзойденные образцы литературно-художественной речи и одновременно осмысливал создаваемое им самим и его современниками как лингвист, выявляя наиболее перспективные в плане коммуникации факты языка. Своеобразной иллюстрацией приведенного мнения ученого могут служить воспоминания современников Пушкина, скажем, такое замечание А. В. Никитенко: «А ведь он (Пушкин. – Н. П.) умный человек, помимо своего таланта. Он, напр., сегодня много говорил дельного и, между прочим, тонкого о русском языке» [4, с. 198]. Это замечание представляется тем более важным, что А. В. Никитенко, по свидетельству В. В. Вересаева, не относился к поклонникам пушкинского таланта, а, напротив, был враждебно настроен к поэту. Воспоминания же друзей Пушкина буквально пестрят примерами того, с какой тщательностью и избирательностью поэт относился к любому используемому им слову.

Еще одним подтверждением того, что Пушкину были безразличны вопросы развития языка, является наблюдение современного исследователя В. С. Баев-

ского: «В романе в стихах содержится 46 лингвистически выделенных мест, где Пушкин либо прямо обсуждает языковые проблемы, либо недвусмысленно дает понять: здесь такая проблема есть. В романе 383 полных и 24 неполных строфы. Одно лингвистически отмеченное место приходится в среднем на 9 строф, пять на главу... Интенсивность лингвистической компоненты поэтического мышления, отраженного в «Евгении Онегине», во много раз превосходит все, что русская литература знала до и после Пушкина» [3, с. 18].

Лексикографические изыскания убеждают в непререкаемом авторитете Пушкина как творца литературного языка, поскольку многие общеупотребительные сегодня адъективы, зафиксированные в словарях, иллюстрируются ссылками на пушкинские тексты (например, *благопристойный, блистательный, вольнолюбивый, долговечный, долгозривый, достопочтенный, златоглавый, крепкоголовый, кровожадный, легкокрылый, скоротечный...*), причем даже в тех случаях, если широко используемое слово встречалось еще в допушкинскую эпоху.

Процесс социализации речевых структур, отобранных или генерированных художником слова, вполне объективен и может быть представлен набором таких суждений:

– речевая база национального поэта – общенародный язык как наиболее богатая и представительная его подсистема. Отсюда популярность и доступность произведений такого поэта широкому кругу читателей;

– талантливый поэт включает в сферу своего образно-художественного осмысления практически все стороны реальной жизни. Его произведения читаются многократно, пересказываются и запоминаются;

– он становится авторитетом; его речевые структуры воспроизводятся в коммуникативных актах и делаются нормативными.

Новации поэта, будь то новые слова, новые формы известных слов или новые конструкции, во всяком случае большинство указанных новаций, не появляются случайно, спонтанно, по наитию или озарению их творца. Создание новых слов и поэтических фигур – осознанный, упорный и длительный труд, требующий не только таланта, эстетического вкуса, но и определенной филологической подготовки, большой эрудиции художника.

Выводы. Практически все, что создается поэтом или писателем, стоящим у истоков формирования литературного языка, кроме, естественно, синтаксикализованных построений, является фактом литературного языка и рано или поздно входит в его нормативный словарный состав как в силу продолжающегося употребления в сфере коммуникации, так и в силу возрастающей со временем ценности литературной классики, в том числе и созданных выдающимся художником словесных и конструкционных неологизмов, т.е. новаций в области поэтического речетворчества.

Библиографические ссылки

1. Акастелова, О. Г. Конструктивний синтаксис поетичної мови: автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.02 / О. Г. Акастелова. – Д., 1996. – 16 с.
2. Альтман, М. С. Пушкинские эпитеты / М. С. Альтман // Прометей. – 1975. – Т. 10. – С. 410–412.
3. Баевский, В. С. Русский и французский языки в поэтическом сознании А. С. Пушкина / В. С. Баевский // Филол. науки. – 1997. – № 2. – С. 13–23.
4. Вересаев, В. В. Пушкин в жизни / В. В. Вересаев // Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 3. – 560 с.
5. Виноградов, В. В. История русского литературного языка / В. В. Виноградов // Избр. труды. – М.: Наука, 1978. – 320 с.
6. Гавранек, Б. О функциональном расслоении литературного языка / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок: сб. статей. – М.: Прогресс, 1967. – С. 432–443.

7. **Даль, В.** Толковый словарь живого великорусского языка / Владимир Даль. – М. : Русский язык, 1982. – Т. 4. – 683 с.
8. **Лотман, Ю. М.** О поэтах и поэзии / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1996. – 848 с.
9. **Ляхова, Ж. Т.** За рядками листів Тараса Шевченка / Ж. Т. Ляхова. – К. : Дніпро, 1984. – 134 с.
10. **Маликова, Л. Т.** Лексико-семантическая группа русских прилагательных со значением отсутствия определенного признака предмета и пути ее пополнения / Л. Т. Маликова // Рус. языкознание. – К., 1991. – Вып. 23. – С. 70–77.
11. **Меньшиков, И. И.** Поэтическое слово Пушкина. Словарь лексических компонентов атрибутивных конструкций / И. И. Меньшиков, В. И. Мордань, Н. В. Подмогильная. – Днепропетровск : Січ, 1999. – 325 с.
12. **Мойсієнко, А. К.** Епітет в поезіях Т. Шевченка / А. К. Мойсієнко // Українська мова в процесі національного відродження України. – К., 1993. – С. 145–150.
13. **Набоков, В. В.** Пушкин и Ганнибал / В. В. Набоков // Легенды и мифы о Пушкине. – СПб., 1995. – С. 5–53.
14. **Пробст, М. А.** Текст в системах коммуникаций / М. А. Пробст // Проблемы структурной лингвистики – 1979. – М. : Наука, 1981. – С. 5–16.
15. **Ушаков, Д. Н.** Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : «Альпиа-Принт», 2005. – 1239 с.
16. **Шипіцина, Г. М.** Семантичні категорії прикметників в аспекті ознак системності: автореф. дис. ... д-ра філол. наук: спец. 10.02.02 / Г. М. Шипіцина. – Д., 1993. – 34 с.
17. **Шрам, А. Н.** Семантическое развитие прилагательных в современном русском языке / А. Н. Шрам // Семантика слова в диахронии. – Калининград, 1987. – С. 105–113.

УДК: 007 : 304 : 070 «1933 – 1934»

І. В. Сипченко

ГАЗЕТИ ПОЛІТВІДДІЛІВ МТС У СИСТЕМІ ГАЛУЗЕВОЇ ПРЕСИ СУМЩИНИ

Розглянуто структуру видань політвідділів МТС Сумщини, визначено основні тенденції у висвітленні нагальних суспільно-політичних і господарсько-економічних питань та засоби ідеологічного впливу у формуванні соціалістичного світогляду.

Ключові слова: галузева преса, видання політвідділів, місцева газета.

Рассмотрена структура изданий политотделов МТС Сумщины, определены основные тенденции в освещении актуальных общественно-политических и хозяйственно-экономических вопросов и средства идеологического воздействия в формировании социалистического мировоззрения.

Ключевые слова: отраслевая пресса, издания политотделов, местная газета.

The structure of editions of motor-tractor stations' political departments of Sumy region has been considered. The main tendencies in lightening of urgent social, political, and economic issues have been determined. The means of ideological influence in forming socialistic world outlook have been defined.

Key words: trade press, publishing political departments, the local newspaper.

В історії розвитку української радянської періодики 30-ті роки відзначаються остаточною формуванням її вертикальної партійно-адміністративної структури, а також інтенсивним розвитком нових типів видань, серед яких значного поширення набуває масова низова преса.